

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КОНОВАЛОВА
(к 80-летию со дня рождения)**

21 января 2018 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Валерия Николаевича Коновалова¹, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Казанского университета (1988–1998), основателя научного направления по изучению русской литературной критики в её генезисе, развитии и диалогах с общественным сознанием.

В 1984 г. В.Н. Коноваловым была создана своя аспирантская школа. Благодаря ему были значительно расширены научные контакты Казанской литературоведческой школы как внутри России, так и за рубежом (Польша, Китай, Германия, Швейцария). В число масштабных для казанского литературоведения событий, организатором которых в 90-е годы выступил В.Н. Коновалов, вошли две Международные конференции «Г.Р. Державин: Личность. Творчество. Современное восприятие» (1993) и «А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков» (1998)².

В память о замечательном Учителе, мудром старшем друге и выдающемся учёном, представляем нигде ранее не издававшийся материал – одну из последних лекций по курсу «История русской литературы первой половины XIX века».

А.Н. Паикуров, Л.Я. Воронова

¹ Фотография взята из фондов Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, архив Ю.И. Фролова.

² Тезисы пленарного доклада «А.С. Пушкин как национальный миф» – последней работы учёного – опубликованы в сборнике материалов конференции, доступном сегодня не только в печатном, но и в электронном виде (<http://old.kpfu.ru/science/news/pushkin/>).

Лекция «Гоголь. “Мёртвые души”», прочитанная профессором В.Н. Коноваловым 10 апреля 1998 г. студентам 2 курса филологического факультета Казанского университета.

Основа поэтики Николая Гоголя – символика малых и больших пространств. Малое пространство – это мир человека; таковы в изображении писателя каморки Петербурга. Огромные пространства, как правило, означают у Гоголя смерть человека: вспомним, Башмачкина в «Шинели» грабят на пустынной ночной площади. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» широта и полёт пространства были ещё сказочно прекрасны, к «Петербургским повестям» всё более нарастает трагический мотив «Всё – обман». Центр поэтики пространств у Гоголя – «Мёртвые души».

Гоголь задумал огромную эпопею, в которой хотел не только показать всю гнусность теперешнего состояния человечества, когда люди забыли свою душу, но и открыть путь к возрождению нравственности.

«Мёртвые души», по аналогии с «Божественной комедией» Данте, по замыслу автора должны были быть в трёх частях (*Ад – Чистилище как начало возрождения – Рай*), и даже самые потерянные духовно герои Чичиков и Плюшкин могли воскреснуть.

Создав целно первый том, писатель начал работу над вторым томом, но наступил духовный кризис. Гоголь оказался не в состоянии достичь поставленной перед собой цели. Вряд ли какой художник вообще смог бы это осуществить. Первая часть «Мёртвых душ» – самостоятельное произведение, но в то же время надо его представлять в контексте гоголевского намерения (задуманного, но не реализованного) в целом.

Одна из ведущих задач первого тома – «показать хотя с одного боку всю Русь», по словам самого писателя. Цель у писателя отнюдь не только сатирическая. Ему важно и нужно объяснить, откуда возникают «мёртвые души», почему процветают взятки, отчего каждый человек в России живёт только для себя. Проблема личности выходит на первый план. Как скажет Гоголь в главе XI, каждый человек рождён для великого и святого и уже потом по вине обстоятельств оказывается погружённым в тину мелочей, которые заставляют «позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое».

Каждый читатель должен не просто посмеяться над героями, а заглянуть в глубь своей души и задаться вопросом: «Нет ли во мне чего-нибудь от Чичикова?» В первом томе тесно переплетаются две линии: показать дурное и пробудить живое в мёртвой душе. Вся поэтика определяется этим.

Существенный вопрос – жанровая специфика гоголевского произведения. Сам писатель определял «Мёртвые души» как поэму. С формальной точки зрения это больше роман, но особого типа; широко использован опыт европейского и плутовского романа. В русской литературе того периода, когда творил Гоголь такие произведения были известны. Это романы В. Нарезного, А. Вельтмана, а также получивший широкое распространение и признание массового читателя «Иван Выжигин» Ф. Булгарина. Герой, как правило, сомнительной нравственности, но ловок и энергичен, он путешествует «по обстоятельствам», попадает в разные ситуации. Автор в этом случае может показать различные слои общества, свободно манипулировать сюжетом. Чичиков скрепляет своей линией всё произведение: тут и его авантюра с мёртвыми душами, и имения помещиков, и жизнь городских чиновников. Событийный ряд полон приключений, динамичен – и в то же время выполняется изначально поставленная автором задача «показать хотя с одного боку всю Русь».

У первого тома чёткая композиционная структура. Первая глава – экспозиция действия, со второй по шестую – повествование о помещиках, с седьмой по одиннадцатую –

жизнь города и чиновников, наконец, в заключительной одиннадцатой главе даётся биография Чичикова. Этого героя Гоголь провёл через все основные слои русского общества. Последовательность глав в первом томе подчиняется такому принципу, как степень усиления пошлости. Например, главы о помещиках венчает образ Плюшкина («прореха на человечестве»). Гоголь идёт от пошлости к пошлости, усиливая ощущение пошлости. Возникает тупик.

Мир помещиков неподвижен. В городе, казалось бы, всё кипит, но идея этого образа, по Гоголю, – высшая степень пустоты. Единичное возвести до общего, а общее сделать огромным знаком-символом – вот главное для писателя. В городе, живущем пустыми сплетнями «из безделья», всё требует преобразования. Перед читателем в итоге должна предстать «мировая бесчувственность жизни».

Последняя глава первого тома оказывается замедленной экспозицией. Всё это делается для того, чтобы лучше понять Чичикова. Гоголь к герою относится неоднозначно: видит его энергию, хватку, уверенность в себе, оптимизм. Павел Иванович – своего рода «новый русский». Нужно ли его презирать? Он – герой времени, приобретатель. Чичиков умён, но при этом как личность растворяется. Это видно уже через его внешность. Герой как бы «включает» в себя всех других персонажей: Манилова, Ноздрёва и многих других. Перед нами человек-хамелеон.

У Чичикова нет собственного мнения. Он каждому говорит то, что следует. Когда же герой хотел сказать своё (вспомним: бал, губернаторская дочка...), то не смог. А ведь если нет слова, нет и души.

Чичиков беспринципен: готов идти на обман, переступить нравственные нормы для достижения цели. В этом он во многом подобен дьяволу (чёрту), по известной идее Д. Мережковского:

- изменчив,
- не имеет своего слова,
- покупает человеческие души.

Цинизм его в том, что даже болезнь и гибель людей для него могут стать прибылью. Чичиков живёт на несчастье других, чем им хуже, тем лучше ему. Он как дьявол лишён нравственного начала. Деловитость, энергия оборачиваются страшной бесчеловечной силой.

Таким образом, возможности плутовского романа дали Гоголю показать все сферы русской жизни (Петербург и история капитана Копейкина – один из ярких примеров).

Не случайно Гоголь подчёркивал парадоксальное определение «поэма». С этой стороны связан другой план: тема Руси, русского народа, нравственная проблематика. Эта линия проходит через всё произведение, которое заканчивается лирическим отступлением о Руси-тройке. Чичиков остаётся где-то на дороге, а Русь продолжает особый, отдельный от него путь. Но и тут звучит мотив тревоги: «Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа».

С поэтическим началом «Мёртвых душ» связана особая роль автора-повествователя. Нередко выступая как прямой персонаж, он призывает читателя хранить порывы юности, размышляет о доле писателя. В то же время он не всегда непосредственно появляется в романе. Так, он может оказаться четвёртым невидимым пассажиром в экипаже Чичикова. Есть у исследователей и мысль о том, что Гоголь пытался найти в Чичикове то, что даст ему осознать всю мерзость своего поведения (многое планировалось раскрыть во втором томе).

Важнейшее духовное завещание Гоголя: «И самый падший человек может возродиться». Писатель пытается читателю внушить возможность внутреннего преображения Чичикова.

«Мёртвые души» – очень чёткое по жанру и композиции произведение, однако у него очень сложная архитектура, необычная поэтика. Гоголь всё время подчёркивал, что «терпеть не может сатиры». В «Мёртвых душах» особая сатира. Гоголь старается выявить миражность, призрачность того мира, который изображает; то, что есть, воспринимается совсем не так, как есть. Например, на городском бульваре все видят чахлые деревца, а в газете восторженно рассказывается о роскошном городском саде.

Ещё один приём выделения миражности заключается в том, что мы не видим людей. Перед нами даже не маски, а «отсутствие лица»: лица, похожие на «самовары с бородой» – в трактире, голову Собакевича Гоголь сравнивает с тыквой, а его жены – с огурцом. Частотны и животные ассоциации: Коробочка – свинья, Собакевич – медведь, Ноздрёв – отец для своих псов, а у Плюшкина глаза как мышки.

Гоголевские герои теряются среди вещей. Так, подчёркивается «достопримечательность» в доме у Манилова – аккуратные кучки пепла из трубки; Коробочка вся в ящичках, мешочках... Многозначны фамилии. К примеру, символична такая цепочка ассоциаций: Ноздрёв – ноздря – нос. Тема носа, по наблюдениям В. Набокова, сквозная для жизни и творчества писателя, что видно и на его портрете. Плюшкин вместо румяной плюшки оборачивается чёрствым сухариком с плесенью.

Фантастический мир страшно напоминает мир реальности, но люди в нём – манекены, куклы. Часто используется Гоголем также приём пародии. Так, в образе Манилова явно комически имитируется герой sentimentalной литературы: внешность, мечта, отношения с женой («обряд» угощения конфетками). Коробочка напоминает госпожу Простакову из фонвизинского «Недоросля», Ноздрёв – одновременно характерный персонаж комедий Княжнина и пародия на «лихого гусара». Чиновники, особенно их жёны стараются следовать петербургской и парижской моде – по журналам пятилетней давности.

Рамки вечности и общечеловеческое, Вечное – вот великая загадка гоголевского произведения.

⟨ *Для цитирования:* Пашкуров А.Н., Воронова Л.Я. Светлой памяти Валерия Николаевича Коновалова (к 80-летию со дня рождения) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 275–278. ⟩

⟨ *For citation:* Pashkurov A.N., Voronova L.Ya. In loving memory of Valerii Nikolaevich Konovalov (on the 80th birth anniversary). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 275–278. (In Russian) ⟩